

ГРАММАТИКА “РУССКОЙ ИДЕИ”, ИЛИ КАК СОЗДАВАТЬ НОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

А.А. Казанцев

Ключевые слова: конструктивизм, национальная идентичность, политический дискурс, политическая технология, русская идея, Россия и Запад, интеллигенция, власть, народ.

*“Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...”*

Ф.Тютчев

*“Русский язык... постоянно раздваивается, ‘двусмыслится’,
неудовимо перетекает из одной формы в другую, мнится...
Русская речь похожа на мед в сотах. Она сладко тягуча
и одновременно пронизана пресными восковыми перегородками.
Бердяев как-то в сердцах сказал: ‘Мое мышление интуитивное
и афористическое. В нем нет дискурсивного развития мысли.
Я ничего не могу толком развить и доказать’.”*
Д.Галковский. “Бесконечный тупик”.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

100

В этой статье я обращаюсь к анализу весьма специфической взаимосвязи трех факторов: “русской идеи”, национальной идентичности россиян и политических технологий, связанных с манипулированием этой идентичностью. Эту широкую проблематику можно сформулировать таким образом: как специфические идеологические конструкции, связанные с интерпретацией интеллектуалами того, что такое Россия, русские, россияне и т.п., через разнообразные политические технологии становятся факторами, определяющими национальную идентичность и специфику политического развития. Речь идет о том, каким образом знание влияет на политическую реальность. Исследования такого рода широко распространены в современных социальных науках в рамках конструктивистской проблематики [Бергер, Лукман 1995; Фуко 1999; Леви-Стросс 1983; Барт 1996; Wendt 1999; Onuf 1989; Kratochwil 1989].

Взаимосвязь этих трех элементов на фоне широкого распространения политических технологий представляется в настоящее время весьма актуальной, однако она все еще недостаточно глубоко проанализирована в политологической литературе по политической культуре России [Пивоваров 2006; Пивоваров 2007: 333-358; Ильин 2007: 359-384; Малинова 2009; Бирюков, Сергеев 2004 и др.] или в широкой междисциплинарной литературе по политическим аспектам культуры России [Эткинд 1998; Уваров 1996 и др.].

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Института Европейского университета, Италия; старший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности МГИМО (У) России. Для связи с автором: andrey.kazantsev@eui.eu

Упомянутая тематика требует определенного терминологического прояснения в связи с тем, что применение характерных для конструктивизма методов постановки проблем еще не стало общепринятым при ее изучении. Под “русской идеей” я понимаю в данном случае построение разного рода идеологических описаний России, которые хорошо фиксируются со времен дискуссий славянофилов и западников в первой половине – середине XIX в. и до сих пор задают проблематику многих общественно-политических дискуссий в нашей стране. Тогда же появилась и официально пропагандируемая (например, в рамках системы образования и официальной прессы) идеология в виде “триады” Уварова. Таким образом, уже с этого момента можно отметить влияние политических идей на политическую реальность. В этом плане политические технологии трактуются ниже как целенаправленное изменение политического сознания, причем они не обязательно связаны с современными электоральными технологиями и электронными СМИ. Эти феномены имеют своих исторических предшественников. Общественно-политические журналы и газеты XIX в., школьные учебники и даже некоторые аспекты высокой художественной и литературной культуры были пронизаны определенными политическими идеями, и потому вполне могут трактоваться как первые образцы применения политических технологий.

ПОИСК ПОРОЖДАЮЩЕЙ “ГРАММАТИЧЕСКОЙ” СТРУКТУРЫ “РУССКОЙ ИДЕИ” КАК ЭЛЕМЕНТ “РЕФЛЕКСИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ”

Являясь абсолютно оправданным в плане поиска эффективных способов адаптации политической культуры страны и доминирующего в ней репертуара идеологий к вызовам современности, интерес к “русской идее” зачастую порождает разного рода извращенные и радикальные трактовки, внедрение которых в политическую жизнь способно лишь спровоцировать рост экстремизма и конфликтов. Поэтому актуальным становится применение к “русской идее” аппарата концептуальной критики. В этой связи важным было бы упомянуть сформулированную немецким социологом У.Бекком концепцию “рефлексивной модернизации”. Это процесс, в ходе которого прогресс достигается не за счет расширения ресурсной базы, а за счет переосмысления способов использования имеющихся ресурсов. В этой связи актуальной была бы постановка следующего вопроса: как возможно провести “рефлексивную модернизацию” [Бекк 1992] упоминавшейся выше связки “русской идеи”, национальной идентичности и политтехнологических способов манипуляции этой идентичностью?

Данный вопрос можно конкретизировать следующим образом: не лежит ли в основе разных конкурирующих трактовок национальной идентичности россиян *одна и та же порождающая модель* и не имеет ли эта модель определенных недостатков в модернизационном плане? Не имеем ли мы здесь дело с неким “бесконечным тупиком”, если использовать выражение Галковского, или с укорененной иррациональностью, которая фигурирует в знаменитом стихотворении Тютчева, вынесенном в эпиграф данной статьи? Нахождение структурных недостатков дискурса позволяет в дальнейшем сформулировать методы его “модернизации”.

Обратиться к анализу описанной выше “конструктивистской” проблематики можно разными методами. Наиболее распространенным в области анализа различных идеологий в России является исторический метод; национальная идентичность может изучаться методами социологии, в том числе количественными. Однако описанная выше связка, как нам представляется, лучше всего может быть исследована при помощи когнитивно-лингвистического анализа, хотя многие моменты, связанные с переходом от анализа политического мышления к анализу политического поведения требуют дополнительного исторического и социологического исследования.

Представление о некоей порождающей структуре, лежащей в основе различных сфер человеческой деятельности (включая ее интеллектуальный аспект), в наиболее характерной форме проявилось во французской структуралистской теории [Леви-Стросс 1983; Барт 1996; Бодрийяр 1995]. Образцом при этом служила языковая грамматика. *На практике, любой носитель языка легко конструирует в устной и письменной речи фразы по образцу глубинных языковых парадигм, которые он бессознательно усваивает.* По отношению к анализу истории человеческой мысли и политической деятельности эта идея в наибольшей степени проявилась в работах М.Фуко “археологического периода” [Фуко 1996]. Сходное теоретическое предположение лежит и в основе предложенной в данной статье модели анализа способов построения национальной идеологии в России: любой из носителей “русской идеи” (как правило, принадлежащих к интеллигенции) легко конструирует новые или переинтерпретирует старые варианты “русской идеи” на основе определенных, бессознательно усвоенных “грамматических правил”.

Возможность анализа порождающей структуры в несколько видоизменной форме содержится в работах известного лингвиста Дж.Лакоффа [Lakoff 1987]. Здесь речь идет о регулярных паттернах структурирования сознания, существование которых связано с тем, что метафорическая структура текстов определяет некоторые особенности картины мира и, потому, влияет на политическую практику. (См., например, литературу о влиянии метафор на систему международных отношений [Little 2007; Marks 2004].) В дальнейшем эта методика была развита В.М.Сергеевым [Сергеев, Цымбурский 1990; Бирюков, Сергеев 2004] в виде анализа когнитивных схем, являющихся отражением картин мира как элементов политической культуры или системы неформальных институтов [Норт 1997].

Предложенный нами ниже метод анализа позволяет выявить определенные семантические элементы и идеально-типические модели идеологий, которые могут быть построены путем той или иной группировки этих элементов. Эти идеальные типы идеологических конструкций в ряде случаев (например, русское западничество и русское антизападничество) раскрывают логику построения метафор, используемую в различных эмпирически фиксируемых политических идеологиях. В связи с этим мы будем соотносить эти структурные элементы идеального типа с реальными политическими высказываниями. Однако предложенный метод анализа показывает, что существует и целый ряд разнообразных вариантов построения “русской идеи”, который пока не был актуализирован, но вполне соответствует “грамматической” логике базовых метафор.

ЭЛЕМЕНТЫ МЕТАФОРИКИ “РУССКОЙ ИДЕИ”

Представленная ниже схема является попыткой вычленить ключевые семантические элементы “русской идеи” и проанализировать возможные метафорические связи между этими моментами. В результате эта схема предстает в виде набора 6 элементов (Россия, Народ, Власть, Интеллигенция, Модерн (рациональность), Запад), которые определенным образом соотносятся между собой. Подробное историческое обоснование вычленения этих элементов приводится в другом нашем тексте [Казанцев 2007]. “Русская идея” создается интеллигенцией. Эта идея неизбежно должна включать в себя какое-то понимание России и ее народа, а также Власти как ключевой политической инстанции. Однако описания в “русской идее” всегда строятся по отношению к Западу и модерну. Современная рациональность, на которой основывается “русская идея”, связана с культурой модерна (в том числе, политико-философской), созданной на Западе.

Все возможное богатство их соотношений, по сути, и представляет разные варианты структурных моделей, согласно логике которых могут развиваться трактовки национальной идентичности россиян. Эти идеально-типические логики “разворачиваются” в виде конкретных историсофских конструкций, трактовок истории, культуры и политических институтов страны.

Схема 1

Метафорическая схема “русской идеи”

Россия	Модерн, рациональность
Народ	Интеллигенция
Власть	Запад

103

Три элемента представленной выше схемы могут быть описаны в виде классического семиотического треугольника: пассивное означаемое (Россия, народ) – активное означающее (модерн, рациональность, Запад) и “посредник” – знак (интеллигенция и власть, последняя частично находится на полюсе означаемого в силу того, что “русскую идею” производит не она, а конкурирующая с ней интеллигенция).

Спецификой элементов является то, что все они, с точки зрения социальных наук, носят абсолютно неоперациональный и нерационализированный, а, следовательно, мифологизированный характер. Что такое власть? Что такое Запад? Что такое народ? Что такое Россия? Как эти исторические феномены сложились? Какова их структура? Как их можно познавать и описывать методами социальных наук? Четких ответов на эти вопросы нет. Куда важнее то, что в рамках как обыденного, так и политического языка все эти понятия привычны и хорошо интуитивно понимаемы. Эти элементы принципиально полисемантчны и недифференцированы, что и служит целям бесконечного комбинаторного смыслопорождения.

Основной тезис данной работы, по сути, сводится к следующему утверждению: *в условиях, когда исходный смысл базовых элементов, из которых, как минимум, с первой половины XIX в. строятся разные трактовки “русской идеи”, максимально неопределен, возможности метафорических переносов внутри*

этих элементов настолько широки, что они могут “обслужить” практически любой политехнологический “интерес”, в том числе, к сожалению, и интерес к конструированию новых экстремистских идей. Именно в этом плане предложенная критика является элементом “рефлексивной модернизации”, так как она указывает на структурные недостатки имеющихся дискурсов.

Например, интеллигенция может являться как самосознанием, совестью народа, так и его ложным сознанием (по Ленину); более или менее адекватным проявлением его сущности или чем-то абсолютно ему чуждым и враждебным, в том числе, этнически (“малый народ” Шафаревича [Шафаревич 1994: 86-182] или “химера” и “антисистема” Гумилева [Гумилев 1989]). Народ может быть един с властью, они могут находиться в исконном противостоянии, либо вообще сосуществовать в разных плоскостях и измерениях. Народ может получать такую власть, какую заслуживает, либо, напротив, власть может формировать такой народ, который ей желателен. Интеллигенция может восприниматься как часть власти, как ее слуга, как конкурент и т.д. Народ может отождествляться с Россией, а может восприниматься как некое недостойное ее “высокой сущности”, даже “падшее” феноменальное проявление. Власть может восприниматься по отношению к России как формирующий ее demiurge, как предатель, как деспот, как “плоть от плоти” или нечто абсолютно чужеродное. Интеллигенция может быть социальным носителем “сущности России”, а может абсолютно ее не понимать. Все вышеперечисленное (и еще многое в этом роде, потенциально возможное) является базовыми элементами различных социально-политических теорий, описывающих “внутреннюю” социально-политическую жизнь России.

В структуре “русской идеи” существует постоянная тенденция к соотношению с “Западом” [Куренной 2006] (а не, скажем, с миром ислама, Индией или Китаем). Это связано, прежде всего, с тем, что Запад в той или иной мере соотносится с модерном и рациональностью, хотя формы этого соотношения могут доходить и до резких противопоставлений. Скажем, Запад предал свою сущность, потерял свой характер (или изначально обладал им лишь внешне, лишь в ложных представлениях русской интеллигенции). Это “разочарование” в Западе проявляется, например, у Герцена [Герцен 2009]. Возможно также, что Запад имеет свою собственную логику развития, а Россия – собственную (т.е. свою “рациональность” и свой “модерн”). В этом случае референция к Западу принимает форму “защиты самобытности” России от Запада и русских западников.

Важным моментом “русской идеи” является соотношение интеллигенции как творца “русской идеи” с Западом. При этом мы используем понятие “интеллигент” в чисто технико-социологическом смысле, как людей умственного труда, производящих идеи (смысл, близкий к значению слова “интеллектуал”), снимая сложные элементы в историческом развитии понятия, связанные с морально-ценностными трактовками “интеллигентности”. Ответ на этот вопрос разнится от радикального “отождествления” до радикального “противопоставления”. Здесь возможен разный знак, “хорошо” это или “плохо”, т.е. русская интеллигенция – “главная сила (одна из главных сил) модернизации и вестернизации общества” или “космополитический агент Запада”. В первом случае интеллигенция обычно описы-

вается как вестернизаторская сила в достаточно культурно чуждом обществе. В последнем случае русская интеллигенция начинает восприниматься как одна из сил, более или менее сознательно воспроизводящая сопротивление России вестернизации. Достаточно в этом плане вспомнить многие подходы, делающие интеллигенцию ответственной за распространение различных радикальных идеологий в России, реализация которых уводила страну все дальше от западных образцов.

Власть в России (по крайней мере, со времен Петра I, если не Алексея Михайловича) непрерывно заимствует западные институты. Однако она, определяясь неизбежной референцией к Западу, может осмыслять себя не только как вестернизатора, но и как инстанцию, противостоящую Западу, исконно чужеродную Западу, спасающую Запад от него же самого и т.д. В этом соотношении инстанций российской Власти и Запада важно также то, неизбежна ли взаимосвязь между модернизацией и вестернизацией, и вариантов ответа тут может быть бесконечно много.

Россия и ее народ также могут восприниматься как часть Запада, хотя и своеобразная, как некий “гибрид” Востока и Запада, или как что-то абсолютно чуждое и даже враждебное Западу.

ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ ДИСКУРСОВ О РОССИИ: РАДИКАЛЬНОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО

Идеальные типы “русской идеи” в той или иной мере должны учитывать проблему соотношения указанных 6 элементов. На практике корреляция между идеальными типами и реальными исторически существовавшими идеологиями, по аналогии с грамматическими конструкциями в языке, может осуществляться за счет того, что отсутствие в конкретных теориях какого-то ключевого элемента воспринимается как “лакуна” и, соответственно, восполняется другими идеологами сходного направления. Мы предлагаем построение идеальных типов на основании анализа игры с метафорическими разрывами — сближениями между элементами.

Интересно, что наиболее исторически (и политтехнологически) востребованными оказываются “радикальные” образцы “русской идеи”, большей частью те, которые обозначают максимальные разрывы между описанными выше элементами (либо, в одном варианте, напротив, максимальную близость между всеми элементами). Это легко объяснимо: ведь политикам не только в России, но и во многих странах Европы (кроме, например, англосаксонских [Almond, Verba 1963]) выгодно использовать простые дуалистические схемы, которые превращают их самих в “спасителей”, а их противников — в “исчадия ада”. В связи с этим ниже мы проанализируем, прежде всего, образцы радикализации “русской идеи”.

Один из радикальных вариантов “русской идеи” тем или иным способом пытается нивелировать разрывы между указанными 6 элементами. Этим он отличается от других “радикальных” вариантов, которые строятся, напротив, на разрыве элементов. Например, минимальный разрыв между всеми элементами будет наблюдаться в следующем идеально-типическом варианте “русской идеи”. Условно назовем его “радикально-западническим”.

Россия представляет собой специфическую часть Запада (Европы), несколько отставшую (досоветский период) и “заблудившуюся” (большевизм) в

своем развитии. *Вестернизация России, включая внешнеполитическую ориентировку на Запад, органически связана с ее модернизацией. Русский народ по своей культуре и неформальным практикам, по сути, не слишком отличается от европейцев. Власть в России всегда структурировалась на основе европейских и сходных с ними антично-христианских образцов. Все отклонения от рациональных (европейских, западных) образцов в поведении народа и представителей власти носят случайный, поверхностный характер и объясняются соответствующими “отклонениями от столбовой дороги прогресса” (татарское нашествие, излишняя мощь самодержавия, большевизм) в истории России, утвердившими недостаточно рациональные институты, поощрявшие “отрицательный поведенческий отбор”. Интеллигенция, знакомая с рациональными способами устройства социально-политических институтов, является передовым отрядом модернизации России. Она способна убедить власть перейти к этим институтам и, таким образом, через включение механизма “позитивного поведенческого отбора”, перевоспитать народ. Задача эта, по сути, реализуемая, так как сопротивление в силу изначальной “европейскости” культуры и властных институтов носит поверхностно-конъюнктурный характер. В этом же направлении действует и давление на Россию внешних сил, прежде всего, стран Запада. Оно постоянно создает модернизационные стимулы.*

Этот вариант “русской идеи” имел серьезное влияние в 1990-е годы.

Описанный выше идеальный тип содержит важное скрытое противоречие. Если бы данная теория была верна, то непонятно, каким образом она могла бы возникнуть. Ведь этот идеальный тип предполагает сближение и синтез всех 6 базовых элементов “русской идеи”. Если бы они были в реальности связаны между собой, то непонятно, зачем вообще нужна была теория, которая бы их связывала в некоей модели исторического становления. Их взаимосвязь в случае ее очевидности для всех, была бы неотъемлемым фактором национальной культуры, массового сознания, и, следовательно, не требовала бы особого теоретизирования. Ведь не возникает, скажем, теорий, доказывающих, что голландцы – европейцы. Таким образом, определенный элемент серьезного логического противоречия можно обнаружить и в российском западничестве как идеально-типической модели. На практике такие противоречия еще больше обостряются, например, путем введения образа сильного государства как агента модернизации и образа Петра Великого как модернизатора у таких классических западников как С.М.Соловьев. Ведь в результате модернизация оказывается не столько процессом органического исторического роста, результатом взаимодействия множества акторов, что имело место в самой Европе, сколько процессом сознательного конструирования, продуктом воли одного актора.

“Радикально-западническая” идеально-типическая модель легко может быть превращена в менее “радикальную” и более “реалистичную” путем актуализации различных разрывов внутри 6 элементов. Например, культура русского народа и структурирование властных институтов в России достаточно серьезно отличаются от западных образцов. Поэтому положение интеллигенции трагично, а судьба модернизации сомнительна.

Либо существует серьезный разрыв между модернизаторской властью и культурой народа. В этом плане необходимо сотрудничество интеллигенции

и власти с целью каким-то образом “обойти” культурные препятствия для модернизации.

Либо русская интеллигенция заимствует свои проекты модернизации механически, без учета той глубокой культурной и социальной логики, которая стоит за институтами модерна на Западе. Поэтому все эти проекты необходимо глубоко контекстуализировать в российских условиях.

Либо вестернизация и модернизация — не одно и то же, а для России существуют специфические варианты модернизации (например, патерналистско-элитарно-эгалитаристские, в стиле Российской империи, либо тоталитарно-мобилизационно-эгалитаристские, в стиле СССР).

Варианты “умеренных” и “реалистичных” “западнических” теорий русской интеллигенции можно строить по указанной выше идеально-типической модели до бесконечности, в том числе путем комбинирования перечисленных выше устойчивых вариантов по принципу не “либо”, а “и” — “и”.

ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ ДИСКУРСОВ О РОССИИ: РАДИКАЛЬНОЕ АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО

“Радикально-антизападническая” модель русской интеллигенции также способна снять многие разрывы между элементами при описании ситуации “внутри” России. Правда, это происходит за счет актуализации разрывов “вовне” в референции с Западом. Эта теория наиболее связано и “радикально” может быть построена, например, следующим образом.

Россия представляет собой особую культуру-цивилизацию (православную по О. Шпенглеру [Шпенглер 2003], славянскую по Н.Я. Данилевскому [Данилевский 1991], евразийскую по П.Н. Савицкому [Савицкий 1997], и т.д.), не имеющую ничего общего с Западом. Логика развития и модернизации культуры ее народа и ее властных институтов своя, особая, ничего общего не имеющая с западноевропейской. Вестернизация России ведет к разрушению этой логики, к социальной дезинтеграции и морально-культурной деградации. В этом плане история России представляет собой историю спонтанного сопротивления вестернизации. Внутренняя логика российской культуры-цивилизации постоянно “перестраивала” западные институты и теории по своему образцу. Вначале внедрение чужеродного всегда шло очень болезненно, сопровождалось тотальным разрушением и страданиями народа (Петр I, реформы 1860-х годов, большевистская революция, крушение СССР), но, со временем, по мере “переваривания”, Россия возрождала свое величие. Причем, происходило это не благодаря западным институтам, а вопреки им. Сходную логику “внедрения чужеродного — переваривания” можно построить и в анализе развития русского искусства, науки, литературы.

Российская власть всегда оставалась интуитивно антизападнической, так как, создавая, по внешней форме, западные социальные, политические, экономические институты, она, по сути, оставалась чем-то глубоко чуждым Западу. Сама демиургическая роль власти в России, ее неограниченность, недифференцированность, ее ориентация на харизматического лидера, на преобладание личностных связей над формальными и т.д. в принципе ничего общего с Западом не имеют. В том случае если все это происходило неосознанно, имели место различные личные трагедии и даже трагедии отдельных слоев и ролевых групп (например, трагедия западнического реформаторства в России). Однако, зачастую, это антизападничество осознавалось, и тогда система функциони-

рвала достаточно гармонично (консерватизм Николая I и Александра III, русский коммунизм от Сталина до Брежнева). Хотя надо оговориться, что и в этих случаях было большое количество разных теоретиков, описывавших современные им политические институты как “пронизанные влиянием Запада”. Недостатком *Власти* было лишь то, что она постоянно вынуждена была противостоять агрессивному и непрерывно развивающемуся Западу, не осознавая при этом возможности опереться на собственные силы и ища помощи у того же Запада.

Русская интеллигенция также возникла в результате заимствований у Запада. В этом ее “родовое проклятие”. Однако она постепенно “переваривала” это западное влияние. Даже сам западнический радикализм русской интеллигенции, ее стремление принести интересы России в жертву всемирному благу, по сути, совершенно чужды Западу. Русская интеллигенция является самосознанием народа, она единственная способна понять сущность России, помочь народу и власти опереться на собственные силы, понять свою логику развития. В этом ее миссия, которая реализуется различными идеологами самобытного характера России, начиная со славянофилов (или даже митрополита Иллариона, автора “Слова о законе и благодати” и инока Филофея, сформулировавшего концепцию “Третьего Рима”).

Некоторые из элементов этой радикальной модели уже частично реализовывались в русской истории (например, дореволюционными консерваторами и большевиками), причем, в конечном итоге, с весьма катастрофическими последствиями.

У этой модели есть один серьезный недостаток, заключенный в самой ее сущности. Ведь вестернизация и связанная с ней модернизация настолько преобразили Россию с XVI-XVII вв., что найти какой-то фрагмент ее культуры, не затронутый этим процессом, практически невозможно. Поэтому поиск таких фрагментов приобретает характер достаточно искусственного конструирования. Так славянофилов, одетых в “исконно русские одежды”, принимали в Москве XIX в. за “персиян”.

“Радикально-антизападническая” модель русской идеи, как и “радикально-западническая”, легко может быть превращена в менее “радикальную” и более “реалистичную” путем актуализации различных разрывов внутри 6 элементов. Например, культура русского народа и структурирование властных институтов в России могут противопоставляться западным образцам менее резко. Тогда картина исторического развития России существенно модифицируется по сравнению с приведенным выше образцом. Кроме того, тогда можно “с чистой совестью” заимствовать что-либо полезное с Запада.

Либо существует серьезный разрыв между западнической властью и культурой народа. В этом плане необходимо сотрудничество интеллигенции и народа с целью каким-то образом устранить предательскую власть.

Либо, напротив, народ слаб, не понимает своих интересов и склонен к западничеству. Тогда необходимо сотрудничество интеллигенции и власти в охранительных целях.

Либо русская интеллигенция (за исключением автора теории, разумеется) преимущественно западническая, состоит из “предателей” или людей, по

природе чуждых русскому народу (в силу этнической или религиозной принадлежности, например). Поэтому необходима борьба народа и власти с интеллигенцией.

Вариантов “умеренных” и “реалистичных” “антизападнических” вариантов “русской идеи” также может быть бесконечное количество, так как все перечисленные выше варианты “смягчения” можно соединить в разных комбинациях.

ВООБРАЖАЕМЫЕ И АБСУРДНЫЕ ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ ДИСКУРСОВ: РАДИКАЛЬНО АНТИРОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ “РУССКОЙ ИДЕИ”

Возможности игры метафорическими переносами в рамках “русской идеи” для обслуживания конкретных политических нужд весьма велики. Они отнюдь не исчерпываются “западничеством” или “антизападничеством”. По приведенному выше шаблону вполне может быть сконструирована любая радикальная идеология по схеме разрыва одного из элементов со всеми остальными.

Предположим, в антиутопическом жанре доведения логики “русской идеи” до абсурда, что каким-то идеологам (например, нацистам в ходе Второй мировой войны) понадобилось бы сформулировать *радикально анти-российский вариант* “русской идеи”. Тогда русская история предстала бы как постепенное “изживание России”. Проанализируем, как выглядела бы идеально-типическая модель идеологии подобного рода.

Россия представляет собой отсталые “задворки” западного мира. Так получилось в силу ее периферийного положения, суровой природы и постоянного смешения населявшего ее европейского (индоарийского) по культуре и племенному происхождению народа с азиатским тюркским и финно-угорским населением Евразии.

Все подлинно успешные образцы власти в России строились европейцами-арийцами или, по крайней мере, по европейскому образцу. Сначала это были потомки Рюрика, создавшие Киевскую Русь. Затем — греки, от которых были заимствована политическая конструкция “Третьего Рима”, “прививка” цивилизации в виде греческих и болгарских монахов и чиновников. Наконец, Василий III носил в себе кровь греческих басилевсов. Но наибольший расцвет российской монархии пришелся на эпоху, когда путем династических браков русские императоры стали почти чистокровными немцами. В этот период монархия не только пыталась радикально вестернизировать и просветить Россию, но и ограничивала свою власть по отношению хотя бы к дворянству.

Русская интеллигенция всегда заимствовала свои идеи на Западе и боролась с исконно характерными для России пороками: неграмотностью, рабством народа и всеилием властей. Она также всегда пыталась модернизировать страну.

Именно на модернизацию России всегда и было направлено воздействие Запада. Последнее включало в себя элементы освоения страны западным капиталом и культурой. Однако важным элементом было и военно-политическое давление. Скажем, успешные реформы в России всегда были результатом проигранных войн (Крымская и Русско-японская война), были важной причиной либеральных реформ, в то время как выигранные войны вели к консервации существовавших порядков (войны с Наполеоном, успешные кампании в первый пе-

риод царствования Николая I). Следовательно, поражения России от внешних противников чрезвычайно важны для ее модернизации и вестернизации.

Серьезный недостаток этой теории связан с тем, что она строится по принципу “самоотрицания”. Следовательно, ее практический смысл заключается в том, чтобы вообще перестать строить “русскую идею” и перейти, скажем, к “европейской идее”.

По схеме “разрыва с одним элементом” при соблюдении максимальной связности между другими элементами, описанной выше на примере “радикально-антизападной модели”, может быть построен целый ряд других “радикальных” идеально-типических моделей: радикально антинародная, антивластная, антимодерновая и, наконец, радикально антиинтеллигентская теория “русской идеи”. К сожалению, ограниченный объем этой статьи не позволяет показать идеально-типические модели этих и многих других возможных идеологий. Внимательный читатель может воспроизвести их сам по примеру приведенной выше.

Работа с воображаемыми и абсурдными идеально-типическими моделями “русской идеи” не является просто “игрой в бисер”. Она может представлять определенный интерес для практических политтехнологов, так как по этим моделям можно строить новые идеи для решения конкретных политико-технологических задач, которые будут выглядеть убедительно в рамках существующей матрицы. Примером опять может служить языковая грамматика. Например, придуманная академиком Л.В.Щербой знаменитая фраза “Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокрѣнка” составлена из слов, которые не имеют смысла, но она грамматически значима и, потому, вполне интерпретируется сознанием как фраза на русском языке, в то время как фраза “морткс нгга киммм шттимпр” — нет.

Однако цель этой статьи — не давать подсказки политтехнологам о том, как им манипулировать сознанием населения, а в том, чтобы попытаться проанализировать недостатки матрицы производства трактовок национальной идентичности, которые позволяют такие манипуляции, открывая простор для разных “радикальных” трактовок. Ниже мы обратимся к этой проблеме на примере анализа “апорий” “русской идеи”.

“АПОРИИ” “РУССКОЙ ИДЕИ” И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ

Структура “русской идеи” вполне допускает и ситуацию, когда между всеми ключевыми элементами этой структуры будет существовать максимально возможный разрыв. Назовем его “апориями российского самосознания”. Термин “апория” впервые использовал древнегреческий философ Зенон Элейский. Он обозначал ситуацию наличия явного противоречия между невозможностью движения с точки зрения логики и эмпирически наблюдаемым движением. Уже Аристотель показал, что апории Зенона, с точки зрения формальной логики, являются ошибками. Мы употребляем понятие “апория” для обозначения ситуации максимального разрыва между логическими конструкциями, делающей невозможным их дискурсивную связь, удерживая также аристотелевский смысл логической ошибки.

По нашему мнению, существование подобных “разрывов” — неизбежное свойство самой структуры “русской идеи”, потому что только их наличие спо-

собно удерживать различие между метафорическими элементами. В целом, указанные “апории” могут выглядеть следующим образом.

Существует исконное противоречие между Россией и Западом, оно неразрешимо, оно связано с уникальностью России, оно требует постоянного внешнеполитического противостояния с задействованием всех доступных для этого ресурсов (разрыв России и Запада).

Русский народ чужд модерну и рациональному поведению (разрыв народа и модерна).

Русский народ отторгает все западное, даже если внешне русский человек часто неотличим от европейца (разрыв народа и Запада).

Русская власть, по сути, отторгает западные институты, принимая их по форме (разрыв власти и Запада).

Русский народ существует в пространстве безмыслия. Его поведение не рефлексивируется и не рефлексивируемо. Соответственно, оно непознаваемо средствами социальных наук (разрыв народа, с одной стороны, и интеллигенции с модерном, с другой).

Власть в России, по сути, чужда модерну и рациональности. Поведение ее представителей не рефлексивно, оно непредсказуемо средствами социальных наук (разрыв власти, с одной стороны, и интеллигенции с модерном, с другой).

России чужды ее интеллигенты. Это — страна безмыслия, царство иррационального (разрыв России и интеллигенции).

Русские интеллигенты не ведут страну к модернизации. Их сознание нерационально (разрыв модерна и интеллигенции).

Русские интеллигенты по структуре своего самосознания — отнюдь не западные интеллектуалы. Их сознание антимодерново (разрыв интеллигенции и Запада).

Перечисленные выше апории, будучи заданы самой структурой “русской идеи”, предопределяют и структуру негативного социально-политического самосознания как основу российской политической культуры. Они представляют собой достаточно иррациональный способ трактовки национальной истории и культуры, так как любое описание или предложение по улучшению ситуации становится логически внутренне несвязным в силу описанных выше разрывов. Например, как можно описать с точки зрения истории или социальных наук модерна народ или власть, если их суть мыслится как антимодерновая или иррациональная (разрыв народа и власти с модерном)? Как вообще тогда возможна модернизация России? Как возможен сравнительный анализ российских политических институтов или даже заимствование чужих достижений как неизбежная часть процесса модернизации даже для самых развитых стран, если Россия уникальна (разрыв России и Запада)? Как Россия вообще может развиваться, если иррационально даже сознание наиболее интеллектуальной части ее населения (разрыв интеллигенции и модерна)?

Апории задают, следовательно, внутренние логические “разрывы” внутри “русской идеи”, что может влиять и на всю исследованную современным неонституционализмом связку между структурой сознания — структурой неформальных институтов — реальной поведенческой интерпретацией структуры формальных институтов [Норт 1997]. *Разумеется, логические разрывы не обязательно приводят к разрывам в дискурсе. Их могут преодолеть*

вать, создавая разного рода иррациональные конструкции. Последнее может препятствовать модернизации, так как проект модерна по определению связан с рациональностью. Следовательно, “апории” определяют логические недостатки “русской идеи”, усиливают возможность злоупотребления ею в политехнологических целях.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: РЕФЛЕКСИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ “РУССКОЙ ИДЕИ” КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Различные трактовки национальной идентичности россиян, начиная, как минимум, с периода дискуссий славянофилов и западников, могут быть представлены и проанализированы внутри одной матрицы. Она содержит варианты группировки одних и тех же исходных элементов, создающие разные картины мира. Можно выделить определенные “идеальные типы” таких трактовок и продемонстрировать их иррациональные элементы.

Однако *политические последствия* этих логических разрывов, разумеется, *нельзя показать лишь путем когнитивно-лингвистического анализа*. Поэтому негативное модернизационное влияние доминирующих трактовок национальной идентичности будет сформулировано как некоторая предварительная гипотеза. Можно предположить следующую “связку” между органическими недостатками в структуре “русской идеи” и политической реальностью. Доминирующая в России последние пару столетий структура политического дискурса вполне позволяет бесконечные манипуляции с исходными элементами, производящие все новые радикальные идеологии. Структурные слабости “русской идеи” активно эксплуатируются в политехнологических целях как властной элитой, так и оппозиционными группами. Это серьезно сказывается на динамике политического развития.

Серьезное обсуждение недостатков “русской идеи” может оказаться чрезвычайно полезным в плане ее “рефлексивной модернизации”. Элементы практически всех существующих в мире национальных дискурсов содержат в себе мифологические компоненты. Собственно, рефлексивная модернизация национальных идентичностей и осуществляется путем критического осмысления их оснований в поле общественных дискуссий и в сфере исследований социальных наук.

Барт Р. 1996. *Мифологии*. М.: Изд-во им. Сабашниковых.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.

Бирюков Н.И., Сергеев В.М. 2004. *Становление институтов представительной власти в современной России*. М.: Издательский сервис.

Бодрийяр Ж. 1995. *Система Вещей*. М.: Рудомино.

Герцен А.И. 2009. *Былое и думы*. М: Захаров.

Гумилев Л.Н. 1989. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Мысль.

Данилевский Н.Я. 1991. *Россия и Европа*. М: Новости.

Ильин М.В. 2007. *Призвание России. — Национальная идея: страны, народы, социумы*. М.: Наука.

Казанцев А.А. 2007. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве. Опыт сравнительного анализа. — *Полис*, № 1.

Куренной В. (ред.) 2006. *Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений*. М.: Наследие Евразии.

- Леви-Стросс К. 1983. *Структурная антропология*. М.: Наука.
- Малинова О.Ю. 2009. *Россия и “Запад” в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности*. М.: РОССПЭН.
- Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Начала.
- Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношениях*. М.: РОССПЭН.
- Пивоваров Ю.С. 2007. Русская история как “русская идея”. — *Национальная идея: страны, народы, социумы*. М.: Наука.
- Савицкий П.Н. 1997. *Континент Евразия*. М.: Аграф.
- Сергеев В.М., Цымбурский В.Л. 1990. Когнитивные механизмы принятия решений: модель и приложения в политологии и истории. — *Компьютеры и познание: Очерки по когнитологии*. М.: Наука.
- Уваров М.С. 1996. *Бинарный архетип: эволюция идеи антинормизма в истории европейской философии и культуры*. СПб.: Балтийский государственный технический университет.
- Фуко М. 1977. *Слова и вещи*. М.: Прогресс.
- Фуко М. 1996. *Археология знания*. Киев: Ника-Центр.
- Фуко М. 1999. *Надзирать и наказывать*. М.: Ad Marginem.
- Шафаревич И.Р. 1994. *Русофобия. Сочинения в 3-х тт.* Т. 2. М.: Феникс.
- Шпенглер О. 2003. *Закат Европы*. Т.1-2. М.: Айрис-Пресс.
- Эткинд А.М. 1998. *Хлыст: секты, литература и революция*. М.: Новое литературное обозрение.
- Almond G., Verba S. 1963. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. New Delhi: Sage.
- Kratochwil F.V. 1989. *Rules, Norms, and Decisions: on the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge. N.Y.: Cambridge University Press.
- Lakoff G. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: Chicago University Press.
- Little R. 2007. *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths, and Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marks M.P. 2004. *Prison as Metaphor: Re-Imagining International Relations*. Lang: Peter Publishing.
- Onuf N.G. 1989. *World of our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South Carolina Press.
- Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge. N.Y.: Cambridge University Press.